

Иеродиакон Антоний,
Санкт-Петербург

Евангельская реальность трезвого алкоголика

Аннотация: моя история и уникальна, и обычна одновременно, и, как во всех таких историях, уникальность её свидетельствует о глубоком личном внутреннем стремлении к высоким истокам своего присутствия в этом мире, а обычность заключается в подверженности болезням этого века, избавиться от которых человек сам не в состоянии. Ощувив это бессилие в полной мере своего одиночества, я хочу и должен поделиться обретенной ныне силой единства с Богом и людьми в деятельной вере, светлой надежде и трезвой любви.

По ссылкам в тексте на мои публикации в журнале «Фома» можно полнее увидеть некоторые события, которые я упоминаю вскользь. Истории автобиографичны, а та, где фигурирует мой товарищ Василий, во многом и моя.

Зависимых алкоголиков и, тем более, наркоманов я раньше избегал всячески. Мне непонятно и чуждо было их вызывающее поведение и отношение к жизни. Я старался максимально ограничить контакты с ними, даже когда моим церковным послушанием была помощь этим больным несчастным людям. Впрочем, совсем непьющим я тоже не доверял, имея давнее пристрастие к алкоголю, которое началось у меня с пятнадцати юношеских лет. Именно в этом возрасте в моей жизни произошли главные события, определившие моё последующее бытие и сознание. <https://foma.ru/gde-moi-pyatnadsat-let.html>

В те годы я начал публиковаться в областной молодежной газете, познакомился со взрослой творческой молодёжью родного города, которая естественно, непринужденно и с исключительно добрыми намерениями приобщила меня к умеренно-культурному употреблению веселящих и раскрепощающих напитков. В моем окружении тогда не было случаев, которые бы отвратили меня от приятного во всех отношениях самообмана; всё приносило радость и, казалось, естественный личностный рост – недостижимый вне такого образа жизни. Я перешагнул порог детства, проведенного в безотцовщине и постоянном ощущении своей неполноценности среди ровесников, и чувствовал себя равным среди тех, с кем объединяли меня мои взрослые интересы. Это была сладкая эйфория, породившая моё лёгкое и совершенно безответственное отношение к своей будущности.

В результате я, как и многие романтики того периода развитого до маразма социализма, стал профессиональным алкоголиком ещё до появления похмельного синдрома, но уже с ярко выраженным феноменом тяги к решению всех своих проблем с помощью доступного, почти как вода, алкоголя. А поскольку с каждым годом жизни количество проблем неумолимо увеличивалось, то и количество употребляемого спиртного неизбежно росло.

Расширился и круг моих собутыльников: я начал выпивать чуть ли не со всеми подряд – был бы повод. Но больше мне полюбилось предаваться любимому занятию в гордом одиночестве – я стал «тихим» алкоголиком, который никому не мешал, регулярно ходил на работу, участвовал в общественной и культурной жизни своего города, имел активную жизненную позицию и пользовался уважением и расположением окружающих...

<https://foma.ru/bol-ranenogo-gomosapiensa.html>

Первый мой негативный опыт переживания своей страсти, не как влечения к постоянному празднику, а как страдания, проявился уже после тридцати лет – состояние здоровья после очередного фестиваля в одно непрекрасное утро не позволило мне выйти на работу и сесть за руль троллейбуса, который кормил меня в тяжёлую эпоху перестройки-перестрелки и крайней финансовой нестабильности. Я выкрутился, оформив «липовый» больничный, но опыт продолжился и руль общественного транспорта выскользнул из моих трясущихся рук навсегда. Горе я заливал усиленной дозой отвратительного спирта из литровой бутылки зелёного стекла, который тогда был самым доступным пойлом в резко демократизируемом государстве, и упрямо доказывал себе, что «...вроде зебры жизнь, вроде зебры!»

«Полосатая» жизнь с редкими и тонкими светлыми полосами окончилась для меня в самом конце XX века, когда я ощутил в своей скорбной реальности присутствие Отца Небесного, которому я не безразличен. После долгих скитаний и раздумий я набрел на православный храм и моё сердце осталось в нем навсегда. <https://foma.ru/vasya-kotoryiy-izmenil-geometriyu.html>

Вера оказалась целительной, и моё безумие совсем не тревожило меня несколько счастливых лет с момента моего Крещения в Православной Церкви в тридцатисемилетнем возрасте до окончания Духовной Семинарии уже в чине рясофорного монаха прошедшего «огонь и воду» периферийного монастырского клироса и «медные трубы» Московского Ставропигиального монастыря.

Пока я жадно впитывал в себя удивительный воздух Евангелия и богослужения, насыщал изголодавшуюся душу святостью библейских пророков и преподобных отцов раннего христианства, изучал неземной язык Псалтири, моя прежняя страсть не находила во мне места, но, как оказалось, никуда не испарилась. «Медные трубы» зазвучали в «сером веществе» маленького мозга, решившего, что он уже так вырос и поумнел, что может сам руководить всеми силами моей просвещенной и глубоко православной души.

Своё возобновившееся употребление я теперь оправдывал соответствующими местами Священного Писания и церковными традициями, нетрезво выдергивая оправдания из контекста заповеданной трезвой церковной жизни. В своих заблуждениях я не был одинок и это давало мне ощущение правоты долгие годы, пока нелюбимые мною зависимые не помогли мне живым примером своего исхода из химически-духовного рабства.

«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрое, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1-е Кор. 1; 27) – смысл этих апостольских слов для настоящего времени, а не для Библейской истории, дошел до меня, когда я, измученный неизбежными превратностями современной монастырской жизни и бесплодными попытками залить свою измученность неограниченным количеством спиртного, попал вполне чудесным образом в Реабилитационный Центр Православного Благотворительного Фонда «Диакония».

Помню, как я стоял на вокзале перед расписанием поездов после оставления вызвавшего в моей вновь опустошенной пьянством душе бурю противоречий очередного монастыря, выбирая направление дальнейшего движения от собственной сердечной скорби в очередное «никуда».

Поезд до Санкт-Петербурга оказался ближайшим, и в моей памяти тут же всплыла информация, что при Александро-Невской Лавре есть организация, помогающая алкоголикам. Это было чудо, ведь я даже не помышлял о реабилитации, надеясь справиться со своей проблемой привычной переменной обстоятельств, что не раз помогало мне на какое-то время. Но решение пришло, как брошенный утопающему спасательный круг. Дальнейшие мои действия, несмотря на сопротивление ползавшего по моей кровеносной системе известного змия, привели меня в единственное место, где мне были рады в моём падшем состоянии.

Большинство собравшихся здесь были наркоманами; подобных мне пьяниц оказалось совсем мало, что меня сначала огорчило, но потом дало неожиданный и яркий эффект увеличительного стекла, через которое я лучше смог рассмотреть своё состояние,

идентифицируя свои ситуации с ситуациями каждого здесь находящегося и постоянно ощущая то единство кающихся грешников, которое в общецерковном пространстве явно проживается только на Прощённое Воскресенье и в дни чтения Великого Покаянного канона.

Руководили процессом выздоравливающие, утвердившиеся в трезвости, зависимые, каждый из которых лично выкарабкался из ямы своей зависимости и приобрёл опыт жизни с ней, не подчиняясь больше её движениям и прибегая к единственной силе, способной удержать человека от ввевшегося в сознание безумия, – Божией помощи.

Вся моя прошлая жизнь в монастырях увиделась мне лишь хорошей теоретической подготовкой к настоящей Евангельской реальности, в которой я оказался. Теперь и меня спасал Сам Спаситель через людей, которыми я раньше пренебрегал, считая их непричастными той Церкви, вне Которой спасение невозможно. Но, как и 2000 лет назад, именно те, кому неотложно и постоянно нужен Врач, взыскали Его во всей полноте Его заповедей.

Аскетика этих людей поразила меня точностью поставленных целей и работоспособностью развитого в Центре духовно-терапевтического действия, полностью согласного с апостольской практикой: «Признавайтесь друг перед другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться». (Иак. 5;16).

Вспоминая своих верующих собутыльников от мирян до высокопоставленных монахов, я понял, что оправдывая или осуждая их, я всегда доказываю самому себе лишь правду своего личного греха, тогда как правда Благовестия Христова сияет в отвратившихся от своих пагубных страстей бывших бомжах и уголовных преступниках, которые и мне помогли разобраться в себе и включиться в реальное Евангелие трезвости, из которого нигде не исчезли прокаженные и блудницы, мытари и разбойники, фарисеи и книжники... Но где Сам Христос посреди тех, кто собрался во Имя Его чистого Образа в себе.

За 6 месяцев, прожитых в удивительной семье трезвых зависимых, я обрёл полноту христианского мироощущения, чуждую любой нетрезвости и возможную лишь для коллективного разума, дарованного Богом благословленному Им сообществу непрестанно трудящихся над изменением себя единомышленников, с которыми и я ныне чувствую себя востребованным для дальнейшего служения Христовой Церкви всеми данными мне в трезвости силами и способностями.